

Кондрашкина Е. А.

[К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ МАРИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 106-109. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

инвариант значения синонимов, принадлежащих одному СР, каждому из них свойственны разнообразные модели речевого окружения и особые способы семантической мотивации в текстах. Отмечены различия в наборе моделей и частотности их реализации у немецких синонимов, членов одного СР. Немецкие и русские синонимы имеют сходные в структурном отношении семантические дистрибутивные модели, но частотность речевой реализации этих моделей у немецких и русских синонимов различна. Предложные, генитивные именные группы в качестве несогласованных определений синонимов, перечисление семантических коррелятов с идентичной референтной отнесенностью, контекст сложного слова, компонентом которого является синоним, игра слов в большей степени характеризуют речевое окружение немецких, нежели русских синонимов. Наличие в основном сходных в структурном отношении моделей речевого окружения немецких и русских синонимов не гарантирует их качественно однотипной реализации у сопоставляемых немецких и русских синонимов. Несмотря на универсальный характер феномена синонимии в языке, в специфических для каждого национального языка моделях речевого окружения синонимов и их различной частотности в каждом языке проявляется идиоэтническая сущность синонимии.

К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ МАРИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Кондрашкина Е. А.

Научно-исследовательский Центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

Исторически сложилось так, что у марийского народа нет единого литературного языка, ибо марийский язык функционирует в двух литературных нормах - луговой и горной.

Первые сведения о поволжских народах дошли до нас из заметок путешественников и ученых, которые после учреждения по указу Петра I Академии Наук в 1724 г., приступили к изучению окраинных земель русского государства.

Уже тогда некоторые из них обратили внимание на то, что черемисы (тогдашнее название марийцев), живущие по правую сторону Волги, говорят на ином наречии, нежели те, что живут по левую. Так сформировалось представление о том, что народ мари и его язык делятся, по крайней мере, на две части - живущие на более высоком левом берегу стали называться горные мари, а их язык - горномарийским, а живущие на правом - более низком - луговые мари с луговомарийским языком. Горные марийцы составляют примерно одну треть марийцев, а луговые соответственно - две трети.

Во времена насильственного обращения нерусских народов в христианство в XVIII в. миссионеры, понимая, что суть новой для мари религии можно донести только используя родной язык, стали переводить на горное и луговое наречия марийского языка церковную литературу - Евангелие, Священную историю Ветхого и Нового завета, Катехизис и др.

Первые буквари в конце XIX в. издавались также на двух наречиях, а затем, когда стало известно о существовании третьего наречия - восточного, на нем тоже начала издаваться литература. Впоследствии две диалектные письменности - луговая и восточная - объединились в лугово-восточную. В начале XX в. в период издания "Марла календаря" (1907-1913 гг.), первого ежегодника мари, в котором печатались фольклорные и художественные произведения, статьи на разные темы, была предпринята попытка создать единый литературный язык, но она оказалась не реализованной.

У многих народов мира письменный язык начинал свою историю с издания книг на диалектах, но затем в последующем развитии достигал единства. У народа мари этого не произошло по разного рода причинам.

Обычно опорным диалектом любого литературного языка является диалект главного политического, экономического и культурного центра страны. В период возникновения и формирования марийского литературного языка марийцы не имели ни своей государственности, ни политического, ни экономического, ни даже культурного центра и на развитие литературного языка оказывали влияние случайные факторы, как например, диалектная принадлежность авторов или издателей.

После революции во времена языкового строительства 20-х годов языковым вопросам уделялось достаточно большое внимание. У марийского народа начало этому было положено на первом съезде работников просвещения в 1921 г., который решил образовать академический центр мари, призванный заниматься языковыми проблемами [Иванов 1975: 63].

4 ноября 1920 г. декретом ВЦИК и СНК была образована Марийская Автономная Область (МАО) и марийский язык приобрел, таким образом, права государственного языка. Однако выполнять эту функцию он не мог. Во-первых, его роль за годы великодержавной политики царского правительства не выходила за рамки разговорно-бытового общения, во-вторых, марийский язык был раздроблен на несколько наречий и множество говоров, не существовало единого общенародного языка [Мустаев 1977: 11].

23 ноября 1923 г. президиум облисполкома объявил марийский язык официальным языком МАО. Это означало не только необходимость принятия мер по распространению марийского языка, его изучению и развитию, но и создание единого литературного языка. С 1926 г. это становится одной из кардинальных проблем культурно-языкового строительства в МАО. В 1927 г. была образована Комиссия по созданию единого языка и составлению академического словаря, в задачу которой входила выработка общих правил правописания для обоих наречий, написание единой школьной грамматики марийского языка, издание в качестве эксперимента книги на языке, доступном носителям обоих наречий, использование периодической пе-

чати в целях взаимного ознакомления с особенностями наречий, изучение степени расхождения литературного и так называемого "общекрестьянского" языка и т.д. [Иванов 1975: 66].

Вторая половина 20-х годов была периодом поисков приемлемых путей создания общенародного литературного языка. Необходимо было выбрать опорный диалект. До революции эту роль выполнял моркинско-сернурский говор лугового наречия. Однако к периоду созыва X областной партийной конференции в декабре 1927 г., на которой обсуждался вопрос о едином литературном языке, целесообразность такого выбора была поставлена под сомнение. Особенно большие разногласия возникли по вопросам наречий. Существовало две точки зрения: одна - создать единый литературный язык, которым пользовалось бы все марийское население, другая - развивать обе литературные нормы (горную и лугово-восточную) как равноправные, тем более, что они имели каждая свою письменность.

Первую точку зрения поддержало большинство участников конференции. В результате, было принято решение: в основу единого литературного языка положить оба наречия. Разработанный специальной комиссией перспективный план его создания был рассчитан на несколько лет. Как подчеркивает известный марийский ученый И.Иванов, план этот в целом был приемлемым, но имел один недостаток: он предполагал существование письменности на наречиях и поэтому создание единой нормы оттягивал на более длительный период [Иванов 1975: 67].

Возникает вопрос, а существовали ли необходимые условия для создания единого литературного языка в первой половине 20-х годов? И.Иванов, В. Васильев и другие марийские лингвисты дают положительный ответ на этот вопрос. Более того, именно в период языкового строительства возникли благоприятные условия для создания единого литературного языка, так как это было время массовой ликвидации неграмотности и небольшие расхождения между луговым и горным наречиями существовали тогда только в устной речи и не были еще закреплены в письменном языке. Но представители горномарийского народа выступили против создания единой литературной нормы, считая, что это ставит под удар само существование и горномарийского языка и его носителей. Противники идеи единого литературного языка нашли теоретическую поддержку в учении Н. Я. Марра. Прибывший в августе 1929 г. в Краснококшайск (теперешняя Йошкар-Ола) Н. Я. Марр, прочитав лекцию о своей теории, сделал вывод, что горное и луговое наречия - это два самостоятельных языка. К тому же сторонники Мара считали, что для перехода к единому языку еще не созрели условия, поэтому нужно развивать письменность на обоих наречиях, подготовить необходимую почву для их сближения, а затем приступить к непосредственному созданию единого литературного языка. Ошибочность такой точки зрения была очевидна, так как развитие письменности на горном и луговом наречиях только укрепляло их позиции и все более отдаляло их друг от друга. Для консолидации народа это явление безусловно было отрицательным. Формирование двух форм литературного языка для небольшого народа, каким являлись марийцы, создавало искусственные преграды для его объединения, развития культуры, хотя носители горного и лугового наречий жили в пределах одного административного объединения и были связаны экономически и политически. Тем не менее, XII областная партконференция, состоявшаяся в 1929 г., отменила решение X партконференции о создании единого литературного языка и постановила в дальнейшем развивать две формы письменности: горную и луговую.

В последующие годы движение за единый литературный язык раскололось на два противоположных лагеря, один из которых состоял в основном из работников марийских секций издательств, находящихся в Москве, и вошедший в историю под названием "московская группа". Она преследовала цель положить в основу литературного языка восточное наречие, так как считала, что оно в меньшей степени, чем луговое, подверглось влиянию русского языка и культуры. Вторая группа состояла из марийской интеллигенции, объединенной вокруг языковой комиссии и редакции газеты "Йошкар кече". Она стала называться "йошкар-ролинская группа". Эта группа в процессе создания литературного языка предлагала опираться на луговое наречие, не только потому, что большинство ее членов было представителями луговых марийцев, но и на основе учета объективных условий развития марийского общества. Во-первых, луговые говоры охватывали большую часть населения и были распространены на значительной территории, во-вторых, характеризовались незначительными диалектными различиями и, являясь как бы средним звеном между горным и восточным наречиями, были более понятны всему населению. В то же время сторонники йошкар-ролинской группы заявляли, что единый литературный язык может быть создан только в результате использования лексических богатств всего марийского языка. В тот период вопрос о создании единого марийского языка обсуждался едва ли не на каждом собрании. После бурных дискуссий к началу 30-х годов наметился спад интереса к данному вопросу. Языковая Комиссия была ликвидирована, на ее месте создан Марийский научно-исследовательский институт языка и литературы (МарНИИ). До начала 50-х годов марийские ученые-лингвисты в основном занимались вопросами алфавитов для лугового и горного наречий, а также проблемами орфографии. И лишь в 1952 г. научная сессия МарНИИ вновь была посвящена вопросам единого литературного языка. Создание единого языка предполагалось начать с создания единой орфографической системы. Проект такой системы был создан в секторе языка и активно обсуждался на протяжении 1953 г. В планах МарНИИ было намечено несколько мероприятий, необходимых для постепенного перехода к единому литературному языку:

1. Составление сравнительного словаря с целью устранения лексических расхождений между двумя наречиями;
2. Переход к обучению в старших классах (5-10) горно-марийских школ на луговом наречии. Для этого необходимо было подготовить учебники;

3. Распространение среди горных марийцев оригинальной художественной литературы на луговом наречии и наоборот.

Новая орфография не означала, что письменность на горном наречии прекратит свое существование. Она была составлена с учетом сохранения обеих форм языка и была рассчитана на обслуживание обеих форм письменности.

Однако, как отмечает И.Г.Иванов, вопреки установкам научной сессии 1953 г., в дальнейшем не проводилось каких-либо мероприятий по вопросам сближения двух литературных норм. Наоборот, шел обратный процесс - отдаление их друг от друга, так как каждая из них развивалась своим путем и упрочивала свои позиции без перспективной программы создания общенационального литературного языка [Иванов 1975: 241].

Невольно напрашивается вопрос, а велико ли расхождение между горным и луговым наречиями, возможно ли взаимопонимание их носителей?

Исследования показывают, что общих, одинаковых явлений между марийскими наречиями значительно больше, чем отличительных. Прежде всего, это единый грамматический строй: одинаковые падежная система, словообразовательная система, система спряжения, одинаковые структуры образования и функционирования числительных, наречий, служебных частей речи. Полностью совпадают функционирование категории притяжательности и синтаксические структуры. Общей является также основная часть лексического состава, простой подсчет показывает, что лексически одинаковых слов в обоих наречиях почти 80% [Иванов 2000: 21]. Из сказанного вытекает вывод, что взаимное понимание носителей горного и лугового наречий не является невозможным, хотя при первоначальном общении может быть затруднено. Это подтверждается также и практикой работы со студентами вузов. Не говорящие на луговом наречии носители горного после двух первых месяцев учебы не только осваивают разговорную речь, но начинают понимать и лекции, что значительно труднее. «Все дело только в психологическом барьере, который мы создаем сами себе искусственно», считает Иванов. С точки зрения языковой теории, марийский язык един, и нет никаких оснований утверждать, что горный и луговой - это два языка [Иванов 2000: 22].

Социально-этнологический опрос, проводившийся в 1984 г. среди 1200 сельских марийцев, показал, что тех, кто считал два варианта языка взаимопонимаемыми, оказалось: среди луговых марийцев - 47%, среди горных - 58%. Горные марийцы чаще понимают речь луговых марийцев, чем луговые - горных. В то же время степень владения языком другой группы чрезвычайно низкая. Так, луговых марийцев свободно владеющих горным наречием, насчитывается всего 3,4%, горных марийцев, владеющих луговым, почти столько же - 3,6%. Луговых марийцев, понимающих горное наречие, но не говорящих на нем, - 16,5%, зато горных марийцев, понимающих луговое наречие и не говорящих на нем - 42,4% [Коростелев 2003: 35-36].

Цифры, полученные в результате этого опроса, отражают в целом объективную языковую ситуацию: луговой язык имеет преимущества, он шире распространен из-за численного превосходства его носителей и более развит функционально, так как чаще используется в официальной сфере.

В свете сказанного И.Иванов ставит вопрос: «возможно ли создание национального марийского языка и нужен ли он марийскому народу? В отношении второй части ответ может быть только один - нужен, если марийский народ ставит перед собой задачу самостоятельного существования как отдельная этническая общность. А поскольку любая нация одной из своих главнейших задач считает именно данное обстоятельство, то и проблема создания общенационального языка в каком бы ракурсе она ни трактовалась, остается и будет существовать, пока не будет найден путь положительного решения ее. Чем дальше отодвигается осуществление идеи языкового единения на уровне литературного языка, тем труднее будет решать проблему. Время в условиях существования письменности на диалектах работает не в пользу объединения, оно не объединяет, а разделяет письменные диалекты» [Иванов 2000: 35].

Что касается первой части вопроса, то на нее Иванов также дает положительный ответ. Он считает, что первым важным этапом в решении проблемы является преодоление настроений в обществе. Необходим психологический настрой на единение, вера в исконность языка и его возможности обслуживать все сферы общества, что еще не всегда ощущается в обществе. У многих носителей марийского языка, особенно молодых, доминирует сознание, что марийский язык является «второсортным», ненужным в жизни. Следующим шагом должны стать конкретные действия, направленные на преодоление имеющихся препятствий, например, унифицирование орфографий, использование грамматических явлений для сближения норм и взаимного знакомства носителей двух вариантов языка с обеими нормами.

Создание единого литературного языка ни в коей мере не означает уничтожение диалектов, они останутся и будут существовать параллельно с литературным языком. Но в интересах марийской нации - иметь на литературном уровне один общий язык [Иванов 2000: 36-38].

Однако после принятия в 1995 г. «Закона о языках в Республике Марий Эл» вопрос о едином литературном марийском языке утратил свою актуальность в связи с тем, что и в Конституции Республики Марий Эл и в Законе государственными языками объявлены марийский (горный и луговой) и русский языки. Таким образом, юридически закреплено существование двух марийских языков и, по всей видимости, поставлена точка в затянувшейся, но не решенной проблемы.

1. Иванов И.Г. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.
2. Иванов И.Г. Литературный язык как одна из форм функционирования языка.//Финно-угроведение, Йошкар-Ола, 2000, № 2.
3. Коростелев А. К вопросу о соотношении языка горных и луговых марийцев.//Финно-угроведение, Йошкар-Ола, 2003, № 2.
4. Мустаев Е.Н. Партийное руководство развитием марийского языка.// 200 лет марийской письменности. Йошкар-Ола, 1977.

О СТАТУСЕ ВОПРОСА В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Конюхов А. Ф.

Магнитогорский государственный университет

Настоящая статья является продолжением предыдущей публикации (см. выпуск 2). Коротко напомним, что в романах Достоевского обнаруживается интересное явление - насыщенность текстов самыми разными формами «вопрошания», которую мы назвали «стихией вопрошания». Это явление вполне подтверждает одну из принципиальных установок герменевтики. Ведущий его представитель, Г.-Г. Гадамер, в своей работе «Истина и метод» пишет о «...высоком достоинстве вопрошания» и утверждает: «Если мы хотим понять особенности осуществления герменевтического опыта, нам следует углубиться в сущность вопроса» [Гадамер, 1988: 427]. В другой работе, «Актуальность прекрасного», Гадамер уточняет свою мысль: «Стоящий за высказыванием вопрос - вот то единственное, что придает ему смысл. /.../ Есть много видов вопросов, и всякий знает, что вопросу мало быть лишь синтаксической единицей, чтобы его смысл именно как вопроса зазвучал в полную силу. Я имею в виду вопросительную интонацию, благодаря которой некоторое речевое единство, оформленное как высказывание, может приобрести характер вопроса. /.../ Форма, в какой несказанное показывает себя в сказанном, - это отнесенность к вопросу» [Гадамер, 1991: 66]. Эти суждения могут служить ориентирами для углублённой интерпретации конкретных текстов - и в частности, романа «Подросток».

Хотелось бы отметить чрезвычайно конструктивную роль вопросов в сюжетной динамике «Подростка». Давно замечено (например, В.Я. Кирпотиним и другими исследователями), что «при сопоставлении с другими романами Достоевского фабульно-сюжетный каркас в «Подростке» оказывается несоразмерно мал по сравнению с глубоким его идейным, социально-философским содержанием». И потому «при создании «Подростка» Достоевскому предстояло разрешить одну чрезвычайно художественную трудность». Писатель «опасался, что /.../ другие персонажи заслонят Подростка и сосредоточат на себе основное внимание читателя. Достоевский нашел выход из положения. /.../ Он повел рассказ от лица самого Подростка». В результате, «поскольку Подросток рассказывает прежде всего о себе, он и о всех других персонажах повествует так, как они соотносятся с ним, как они им воспринимаются. Основная нить - поиски идеала Подростком - не прерывается ни на минуту, и значение всех других персонажей определяется тем, насколько они отдаляют или приближают Подростка к идеалу». [Кирпотин: 271, 274-275].

Всё это верно, но несколько отвлечённо, поскольку и сам «идеал Подростка» во многом остаётся, что называется, *под вопросом*. И тогда как же можно учитывать - насколько другие персонажи «отдаляют или приближают Подростка к идеалу»?

Приняв своё художественное решение - выстроить роман как исповедь неопределившегося, многое не понимающего, но страстно желающего понять персонажа, - Достоевский обеспечил роману не столько фабульную, сколько сюжетную напряженность. И обеспечил он её за счёт *вопросов и ответов*, - вопросов иногда наивных, порой нечаянно пронизательных; то риторических, то искренне заинтересованных, - словом, *всяких*. И ответов в романе более чем достаточно - то напрашивающихся, но ложных; то навязываемых себе самому или кем-то со стороны; то ответов-деклараций, то ответов-догадок. То есть они в романе тоже *всякие*, но важно, что за каждым ответом просматривается его «отнесенность к тому или иному вопросу», как сказано у Гадамера.

Мною был произведён обзор всего содержания романа в этом ракурсе (то есть составлен конспект по главам, с вычленением для каждой из них в том или ином отношении значимых вопросов), - и в результате выявилась примечательная картина. Через все главы проходят как бы силовые линии разного рода вопросов. Естественно, особую роль при этом играют вопросы сквозные, остающиеся принципиальными для героя с начала и до конца. Не менее примечательны вопросы иного рода, а именно - те, которые назревали исподволь, а затем *вдруг* выходили на поверхность и открывали как самому Подростку, так и читателю некие «новые горизонты понимания» (ещё одна удачная формулировка Гадамера). Такие вопросы оказываются в романе поворотными и для сюжета, и для судьбы центрального героя.

И это помимо того, что вопросами менее значимыми, как бы эпизодическими, вопрошающий тонус повествования бывает буквально перенасыщен. Вот характерный фрагмент, когда Аркадий подслушивает разговор двух женщин и внезапно появляется перед ними из-за занавески:

«Обе вскрикнули. *Да как и не вскрикнуть?*

- Крафт, - пробормотал я, обращаясь к Ахмаковой, - *застрелился? Вчера? На закате солнца?*